

Николай Штейнгель

Самодержцы каменных скал

Николай Штейнгель
Самодержцы каменных скал

<https://litres.ru/74124549>

SelfPub; 2026

Аннотация

.....

Николай Штейнгель

Самодержцы каменных скал

глава 1

Я помню тот день, когда мы впервые собрались все вместе. Мне было семнадцать, я только что поступил в университет, и чувствовал себя таким взрослым, таким значительным, что мог свернуть горы. В тот вечер я стоял на крыше общежития и смотрел на город, который расстился у моих ног, как живая карта. Огни Имперского проспекта мерцали, как звёзды, упавшие на землю. Где-то вдалеке гудел порт, доносились голоса, смех, музыка. Это был Петербург — мой Петербург, который я любил всей душой, всем сердцем, каждой клеткой тела.

Я не знал тогда, что через год этот город станет для меня чужим. Что я буду прятаться в его подворотнях, боясь каждого шороха. Что я буду смотреть на его огни из тени и чувствовать, как они жгут мне душу. Но тогда я просто стоял на крыше, вдыхал свежий ветер и улыбался.

— Фильчаков, ты что, влюбился в город? — раздался го-

лос за спиной.

Я обернулся. Роман стоял в дверях, ведущих на крышу. Он был бледным, светловолосым, с вечно растрёпанными волосами и очками, которые он постоянно поправлял. В руках он держал старый кожаный дневник — тот самый, что теперь лежит у меня на груди, согревая моё разбитое сердце.

— Может быть, — ответил я. — А ты что, не любишь?

Роман улыбнулся и подошёл к краю крыши, встал рядом со мной.

— Люблю, — сказал он. — Но не так, как ты. Ты смотришь на него, как на женщину. Как будто он должен ответить тебе взаимностью.

Я засмеялся. Роман всегда так говорил — с лёгкой иронией, но с такой теплотой, что обижаться было невозможно.

— Может быть, я и жду этого, — сказал я. — Может быть, я хочу, чтобы он ответил.

— А он ответит, — раздался ещё один голос, и мы оба обернулись.

Алексей поднимался на крышу. Он был огромным — даже в семнадцать лет его рост уже перевалил за метр восемьдесят, а плечи казались шире дверного проёма. Он был крепким, подтянутым, с тёмными волосами и глазами, которые горели внутренним огнём. Он был магом огня, и это чувствовалось даже в том, как он двигался — уверенно, плавно, как будто он мог сжечь всё вокруг одним движением руки.

Он подошёл к нам и положил свои тяжелые ладони на наши плечи.

— Город любит тех, кто его любит, — сказал он. — Он просто проверяет вас. Хотите знать, как я это понял?

— Как? — спросил Роман.

Алексей усмехнулся. Он оглянулся вокруг и, убедившись, что нас никто не видит, поднял руку. На его ладони вспыхнул маленький огонёк — яркий, золотистый, живой. Он танцевал, переливаясь, будто живое существо. Я заворожённо смотрел на него, и моё сердце билось быстрее. Магия огня была запрещена для студентов без специального разрешения, но Алексей всегда нарушал правила. Он был бунтарём по натуре.

— Город дал мне это, — сказал он, глядя на огонь с неж-

ностью. — Он дал мне силу. И я использую её, чтобы защищать его.

— Чтобы защищать? — переспросил я. — От кого?

— От тех, кто хочет его разрушить.

Алексей сжал ладонь, и огонь исчез. Мы с Романом переглянулись. В голосе Алексея звучала такая уверенность, такая решимость, что я на мгновение почувствовал себя маленьким и неуверенным. Что я мог противопоставить его магии? Мои идеи? Мои мечты?

— Я тоже хочу защищать его, — сказал я. — Но не магией. Словами. Идеями.

— Словами? — Алексей усмехнулся. — Слова не убьют врага.

— А ты уверен, что врага нужно убивать? — ответил я. — Может быть, его нужно убедить.

— Иногда убеждать поздно.

Мы спорили до самого рассвета. Спорили о политике, о магии, о том, какой должна быть наша страна. Я говорил о

дуализме — о том, что Император должен править не один, а вместе с законом. Что даже самая сильная власть должна быть ограничена, чтобы не превратиться в тиранию. Алексей спорил со мной — он считал, что монарх должен быть абсолютным, что только такая власть способна защитить страну от хаоса. А Роман слушал и записывал что-то в свой дневник.

Мы не знали тогда, что нас слушает кто-то ещё. Что Степан, который пришёл позже, стоял в тени и запоминал каждое слово. Он запоминал наши слабости. Наши мечты. Наши надежды.

Чтобы потом использовать их против нас.

Степан появился в нашей жизни неожиданно. Он перевёлся к нам на факультет в середине семестра — высокий, худощавый, с очками в тонкой оправе и умными, колючими глазами. Он был старше нас на год, но это не мешало ему влиться в нашу компанию быстро и почти незаметно. Он был хорошим слушателем, умел задавать правильные вопросы, находил общий язык со всеми.

Я помню, как он впервые пришёл на нашу крышу. Это было холодным октябрьским вечером, когда ветер выл так, что казалось, город стонет. Мы сидели на парапете, завернувшись в куртки, и пили горячий чай из термоса. Роман

читал нам свои стихи, которые он только что написал.

— Мы пришли в этот мир не для того, чтобы молчать,
— читал он. — Мы пришли, чтобы кричать. Чтобы светить.
Чтобы гореть.

Степан стоял в дверях и слушал. Когда Роман закончил, он подошёл и тихо сказал:

— У тебя талант. Настоящий.

Роман покраснел.

— Спасибо. Ты тоже пишешь?

— Нет, — ответил Степан. — Я читаю. И я знаю, что такие стихи нужны нашей стране. Мы живём в эпоху, когда правду пытаются спрятать за магическими иллюзиями. А правду можно спасти только словом.

Мы переглянулись. Мы чувствовали то же самое, но никто из нас не говорил об этом так ясно. Мы думали, что мы одни. Что никто не разделяет наши мысли. А он разделял.

— Ты думаешь, мы можем что-то изменить? — спросил я.

— Конечно, — ответил Степан. — Мы должны. Мы молодые, у нас есть идеи, мы верим в Императора. Мы должны напомнить ему, что народ ждёт справедливости. А для этого нам нужно действовать. — Как?

Степан улыбнулся. Его улыбка была тёплой, дружеской, но в его глазах я видел что-то другое — холодный расчёт. Я не обратил на это внимания тогда. Я был слишком молод.

— Мы соберём группу, — сказал он. — Кружок. Будем обсуждать, как сделать нашу страну лучше. Мы должны быть голосом тех, кто не может говорить.

Мы согласились. Мы были наивными, мы были идеалистами, мы верили, что слова могут изменить мир. Мы не знали, что Степан уже тогда строил свой план. Что он готовил нас на роль жертв.

Мы начали собираться каждую неделю. Нам казалось, что мы делаем важное дело — обсуждаем будущее страны, пишем письма Императору, распространяем листовки. Это было опасно, но нам казалось, что это круто. Мы чувствовали себя героями.

Пока Степан не привёл нас на площадь.

Тот день начался, как любой другой. Я проснулся, сделал

зарядку, почистил зубы, оделся. На завтрак я съел бутерброд и запил его чаем. Мама прислала мне посылку — перчатки, которые она связала на зиму. Я надел их и почувствовал её тепло.

— Сегодня будет великий день, — сказал мне Роман, когда я встретил его в коридоре. — Император выйдет к народу. Мы увидим его вживую.

— Я знаю, — ответил я. — Я не спал всю ночь.

— Я тоже.

Мы смеялись, как дети, которые ждут Новый год. Мы не знали, что через несколько часов нас арестуют. Что нас будут бить, пытаться, предавать. Мы просто шли по Имперскому проспекту, смотрели на флаги и верили, что всё будет хорошо.

На площади было много людей. Они стояли плотными рядами, махали флагами, пели гимн. Мы пробирались вперёд, к сцене, где должен был выступить Император. Алексей держал меня за плечо, чтобы я не потерялся в толпе. Степан шёл впереди, прокладывая путь.

— Нам нужно быть у самого ограждения, — сказал он. —

Тогда мы сможем всё видеть.

Мы встали в первый ряд. Сердце колотилось так сильно, что я почти не слышал голоса оратора, который открывал церемонию. Потом музыка стихла, и на балкон вышел Император.

Он был высоким, седовласым, в золотом мундире, с тяжёлой цепью на шее. Эта цепь светилась — это был магический артефакт, который защищал его от любых покушений. Я смотрел на него и чувствовал, как гордость наполняет мою грудь. Это был мой правитель. Моя страна. Моя семья.

— Дорогие граждане! — начал говорить Император, и его голос, усиленный магией, разнёсся над всей площадью. — Я знаю, что мы пережили трудные времена. Но я обещаю вам — времена изменятся. Я буду бороться за справедливость. Я верну этой стране её величие!

Толпа взорвалась криками. Я кричал вместе со всеми, я махал флагом, я чувствовал, как слёзы текут по лицу. Я был счастлив.

Я не заметил, как Степан исчез из нашего поля зрения. Я не видел, как он подошёл к полицейским, как он разговаривал с ними, как он указывал в нашу сторону. Всё, что я видел

— это Император, который давал нам надежду.

А потом раздался взрыв.

Я очнулся в камере. Голова раскалывалась, во рту был металлический привкус. Свет резал глаза, и я попытался прикрыть их рукой, но не смог — мои руки были скованы.

Рядом сидел Алексей. Его лицо было разбитым — глаз заплыл, на губах была кровь. Но он был жив. Он смотрел на меня с болью и надеждой.

— Фильчаков, — сказал он, — ты очнулся.

— Где мы? — спросил я.

— Тюрьма. Каменные Скалы. Тебя привезли вместе с нами. Тебя били, когда ты был без сознания.

Я не чувствовал боли. Я был словно в тумане.

— Что случилось на площади? — спросил я. — Кто взорвал?

Алексей усмехнулся. Это была горькая усмешка, без капли юмора.

— Степан, — сказал он. — Он взорвал бомбу. А потом сказал полиции, что это сделали мы. У него есть поддельные документы. Он подложил нам магические артефакты.

Я закрыл глаза. Слова падали на меня, как камни. Один за другим.

— Степан нас предал, — продолжал Алексей. — Ради карьеры. Ради власти. Он получил должность в полиции. Самый молодой начальник отдела.

Я не мог говорить. Я просто сидел и смотрел на стену.

— Мы должны выбраться, — сказал я наконец. — Мы должны доказать, что мы невиновны.

Алексей посмотрел на меня. В его глазах горела злоба.

— Мы докажем. И когда мы выберемся, мы найдём его и убьём.

Я не ответил. Я просто кивнул.

Мы сидели в камере, слушали звон кандалов и чувствовали, как мир сужается до размеров этой серой комнаты.

Мы были разбиты. Мы были преданы. Мы сидели в камере и молчали. Молчание было тяжёлым, как камень, который давил на грудь. Я смотрел на серую стену, покрытую разводами сырости, и пытался собрать мысли воедино. Они разбегались, как тараканы, стоило мне коснуться их взглядом. Я пытался понять, как мы оказались здесь, как такое могло случиться с нами, как Степан — тот самый Степан, который сидел с нами на крыше, который пил дешёвое вино и спорил о политике до хрипоты, — мог предать нас.

Но ответа не было. Или он был, но я не хотел его принимать.

— Фильчаков, — сказал Алексей, прерывая мои мысли. — Ты должен собраться. Они придут за нами. Скоро.

— Откуда ты знаешь? — спросил я, не поворачивая головы.

— Я слышал их разговоры за дверью. Они ждут, пока мы очнёмся. Хотят, чтобы мы были в сознании, когда начнут допрос. Чтобы мы чувствовали боль.

Я повернулся к нему. Алексей сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Его лицо было разбитым — левый глаз заплыл, губа была рассечена, на щеке темнел огромный синяк. Но самое страшное было не в его лице. Самое страш-

ное было в его глазах. В них горел такой холодный, ледяной огонь, что я почти физически чувствовал его. Это был огонь, который сжигал всё внутри. Огонь, который не мог погаснуть, потому что его питала ненависть.

— Ты боишься? — спросил я.

Алексей усмехнулся. Усмешка вышла страшной — его разбитые губы растянулись, обнажая зубы, и на мгновение он показался мне не человеком, а зверем.

— Я не боюсь, Фильчаков. Я жду. Я ждал этого момента с той секунды, как Степан предал нас. Я хочу посмотреть им в глаза. Я хочу запомнить их лица. Чтобы когда я выберусь отсюда, я знал, кто будет гореть в моём огне.

Я ничего не ответил. Я не знал, что сказать. Алексей был сильнее меня. Он всегда был сильнее — физически, магически, душевно. Он мог превратить свою ненависть в топливо. Я мог только сидеть и чувствовать, как мир рушится вокруг меня.

— Что они сделают с нами? — спросил я.

— Будут пытаться, — ответил Алексей просто, будто речь шла о погоде. — Сначала они попытаются сломать нас психологически. Будут говорить, что нас никто не ждёт, что на-

ши семьи отвернулись от нас, что мы — предатели.

Потом перейдут к физическим методам. Будут бить, жечь, отключать магию. Они делают это со всеми.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышал истории. В нашем университете был парень, который попал сюда за антигосударственную пропаганду. Он сломался через три недели. А он был сильным. Сильнее меня. Сильнее тебя.

Я посмотрел на свои руки. На правой руке была ссадина, на левой — свежий порез. Я не помнил, откуда они взялись. Может быть, я ударился, когда меня тащили в камеру. Может быть, они ударили меня, когда я был без сознания. Я не знал. Моя память была пустотой, заполненной только криками, взрывами и запахом крови.

— Что насчёт Романа? — спросил я. — Он в соседней камере?

— Да. Его привели час назад. Я слышал, как он плакал.

Я закрыл глаза. Роман плакал. Роман, который умел находить красоту в самых тёмных вещах, который мог улыбнуться, даже когда всё шло не так, — он плакал. Это было

страшнее, чем любой удар. Потому что, если Роман сломался, мы все сломаемся.

— Нам нужно поговорить с ним, — сказал я. — Мы должны поддержать его.

— Мы не можем, — ответил Алексей. — Они не позволят нам контактировать друг с другом. Это часть их плана. Изолировать нас, сломать поодиночке.

— Тогда нам нужно найти способ.

Алексей посмотрел на меня. В его взгляде мелькнула искра — не магическая, а человеческая, которая появляется, когда человек видит надежду.

— Есть способ, — сказал он. — Но он опасный.

— Какой?

— Мы можем попытаться связаться с ним через магию. У меня осталось немного силы. Не для того, чтобы сломать стены, но чтобы передать сигнал.

Если я смогу дотянуться до него, мы сможем общаться. Но это рискованно. Если они поймают меня, они заберут мою магию полностью. Я стану бесполезным.

Я смотрел на него и понимал, что он готов пойти на это. Ради Романа. Ради нас всех.

— Делай, — сказал я. — Мы не можем позволить ему сло-
маться.

Алексей кивнул. Он закрыл глаза и сосредоточился. Я видел, как его лицо напряглось, как на лбу выступил пот. Его руки начали слегка трястись. Прошло несколько секунд, и я почувствовал странное тепло, которое разлилось по камере. Оно было слабым, почти неосязаемым, но оно было.

— Я дотянулся до него, — прошептал Алексей. — Он слышит меня.

— Скажи ему, что мы рядом, — сказал я. — Скажи ему, что мы не оставим его.

Алексей кивнул и закрыл глаза. Прошло ещё несколько секунд. Я сидел и смотрел на него, чувствуя, как моё сердце колотится о рёбра. Я молился — хотя не знал, кому. Императору? Богу? Просто самой судьбе, которая была единственной силой, в которую я мог верить.

— Он ответил, — сказал Алексей, открывая глаза. — Он

сказал, что держится. Что он пишет стихи. Он хочет, чтобы мы знали: он не сдастся.

У меня вырвался вздох облегчения. Роман держится. Роман пишет стихи. Он не сдастся.

— Скажи ему, что мы тоже не сдадимся, — сказал я. — Скажи ему, что мы выберемся.

— Он знает, — ответил Алексей. — Он всегда знал.

Мы сидели в темноте и молчали. Но теперь молчание было другим. Оно было наполнено надеждой — слабой, почти невесомой, как свеча на ветру. Но она была.

Прошло несколько часов. Я не знал, сколько именно — в камере не было окон, а магические светильники горели неизменным холодным светом. Время здесь текло по-другому, как густой мёд, который почти не двигается. Я чувствовал, как голод начинает сводить живот, как сухость во рту становится невыносимой. Они не давали нам есть. Они не давали нам пить. Они хотели, чтобы мы ослабли, чтобы мы стали податливыми.

— Фильчаков, — раздался голос Алексея. — Дверь открывается.

Я поднял голову. Тяжёлая железная дверь с лязгом отодвинулась в сторону, и на пороге появились двое мужчин в чёрных мундирах. Они были высокими, широкоплечими, с лицами, которые не выражали ничего — ни злобы, ни жалости, ни даже простого человеческого интереса. Они были пустыми. Как манекены, которых оживила магия.

Они вошли в камеру и встали по бокам от двери. За ними появился ещё один человек — худой, лысый, с длинным шрамом на лице, который тянулся от виска до подбородка. На нём был белый халат, испачканный чем-то тёмным, что я не хотел идентифицировать. В руках он держал папку с бумагами.

— Фильчаков, — сказал он, глядя на меня. — Тебя вызывают на допрос.

Я посмотрел на Алексея. Его глаза были спокойны, но я видел, как под его кожей пульсирует жилка на виске.

— Иди, — сказал он. — Не показывай им слабости.

Я кивнул. Я медленно поднялся на ноги. Мои колени дрожали от слабости, но я заставил себя встать прямо. Я не хотел, чтобы они видели, как я боюсь.

Охранники схватили меня за руки. Их хватка была железной, безжалостной. Они вывели меня из камеры и повели по длинному коридору. Стены здесь были такими же серыми, как в моей камере, но они были покрыты странными пятнами — тёмными, бурыми, которые я пытался не рассматривать. Я знал, что это кровь. Я знал, что это кровь тех, кто был до меня.

Коридор был длинным, бесконечным. Я пытался считать шаги, но сбивался. Слишком много шагов. Слишком много дверей. Слишком много теней, которые мелькали за решётками.

Наконец мы остановились перед одной из дверей. Она была такой же, как и все остальные, но на ней висела табличка с цифрами. Охранник открыл её, и меня втолкнули внутрь.

Комната была маленькой, без окон, с одним единственным источником света — магическим светильником, который висел под потолком. В центре стоял стол, а за ним сидел человек. Он был толстым, лысым, с масляными глазами, которые смотрели на меня с любопытством. На столе лежали документы.

— Садись, — сказал он, указывая на стул напротив.

Я сел. Стул был жёстким, неудобным. Я смотрел на человека за столом и пытался понять, кто он. Его лицо было безразличным, как у чиновника, который заполняет бумаги. Но в его глазах я видел что-то другое — что-то холодное и голодное, что заставляло мою кровь стыть в жилах.

— Меня зовут майор Соколов, — сказал он. — Я веду твоё дело. У меня есть к тебе несколько вопросов.

— Каких? — спросил я.

Он улыбнулся. Улыбка была масляной, как его глаза.

— Ты знаешь, за что ты здесь? — спросил он.

— Я невиновен, — сказал я. — Меня подставили.

— Подставили? Кто?

— Степан. Мой друг. Он подложил нам магические артефакты. Он сказал полиции, что мы террористы.

Соколов наклонился вперёд. Его глаза блеснули.

— Степан? — переспросил он. — Ты говоришь о началь-

нике отдела по борьбе с магическим терроризмом?

— Он был моим другом.

— Был, — повторил Соколов. — Ты уверен, что он был твоим другом? Может быть, он был твоим врагом всё это время? Может быть, ты просто не замечал этого?

Я замолчал. Его слова попали в цель. Они были точными, как игла, которая пронзает кожу и находит нерв. Я не думал об этом раньше. Я не хотел думать об этом. Но теперь я не мог перестать.

— Он предал нас, — сказал я. — Я знаю это. У него есть документы, которые он подделал. У него есть доказательства, которых не существует.

Соколов усмехнулся.

— Документы? — сказал он. — Ты говоришь о тех документах, которые нашли у вас при обыске? Тех, которые прямо указывают на ваш заговор?

— Это подделка!

— Кто подделал их?

— Степан!

Соколов покачал головой. Его лицо выражало сожаление — фальшивое, но очень убедительное.

— Ты не понимаешь, Фильчаков, — сказал он. — Степан — уважаемый человек. Он помог раскрыть заговор. Он спас жизни. Его документы подписаны и заверены. У нас нет причин сомневаться в них.

— Но я говорю вам правду!

— Правда? — Соколов наклонился ко мне. — Знаешь, что такое правда? Правда — это то, во что верят люди. И если они верят, что ты террорист — ты террорист. Если они верят, что ты предатель — ты предатель. Это всё, что имеет значение.

Я смотрел на него и чувствовал, как пол уходит из-под ног. Он был прав. Они не собирались слушать меня. У них были документы. У них были доказательства. У них была власть.

— Ты думаешь, это несправедливо? — продолжал Соколов. — Думаешь, я не знаю, что несправедливо? Я знаю. Я видел много таких, как ты. Они все кричат о несправедливости. Но знаешь, что я им говорил?

— Что? — спросил я.

Соколов улыбнулся. Его улыбка была тёплой, почти дружеской. Но в его глазах я видел ледяной холод.

— Я говорил им: «Справедливость — это роскошь. Ты можешь получить её, только если у тебя достаточно власти или денег. А у тебя нет ни того, ни другого. Так что сиди тихо и делай, что тебе говорят». И они садились и делали. И ты тоже сделаешь.

Я закрыл глаза. Внутри меня что-то оборвалось. Не как удар — как медленный, тягучий обрыв, как будто нить, на которой держалась моя жизнь, начала распускаться.

— Что вы сделаете со мной? — спросил я.

Соколов пожал плечами.

— Это зависит от тебя, — сказал он. — Если ты согласишься сотрудничать, ты сможешь уменьшить свой срок. Если нет — мы будем вынуждены применять более жёсткие методы.

— Я не могу сотрудничать, — сказал я. — Я ничего не

сделал.

— Ты так уверен?

Я поднял глаза и посмотрел на него. В его взгляде была такая уверенность, что я на мгновение засомневался. Что, если я что-то сделал? Что, если я действительно был виновен? Что, если Степан не подставил нас, а просто раскрыл наш заговор?

Нет. Я отогнал эту мысль. Я знал правду. Я знал, что мы невиновны. Я не мог позволить им сломать меня.

— Я ничего не сделал, — сказал я.

— Хорошо, — сказал Соколов. — Тогда мы закончим на этом. Ты можешь идти.

Охранники схватили меня и вывели из комнаты. Я шёл по коридору, чувствуя, как моё тело дрожит. Я не знал, что будет дальше. Я не знал, смогу ли выдержать. Но я знал, что я должен.

Когда меня вернули в камеру, Алексей сидел на том же месте, где я оставил его. Он посмотрел на меня, и в его глазах я увидел вопрос.

— Что они хотели? — спросил он.

— Они хотели, чтобы я признался, — сказал я. — Они сказали, что у них есть документы Степана. Они верят ему.

Алексей усмехнулся. Это была горькая, злая усмешка.

— Они всегда верят тем, у кого есть власть, — сказал он.
— Это неважно. Мы выберемся. Мы найдём способ.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— Потому что у нас есть то, чего у них нет, — сказал Алексей. — У нас есть правда. И правда всегда побеждает, даже если для этого нужно сжечь весь мир.

Я не ответил. Я просто сел на пол, прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Я чувствовал, как мои силы уходят, как усталость заполняет каждую клетку моего тела. Но я знал, что я не должен сдаваться. Я не мог позволить им победить.

Мы сидели в камере и молчали

Прошло, наверное, несколько часов. Я не мог сказать точно — время в камере было текучим, как вода, которую нельзя удержать в руках. Иногда казалось, что прошла вечность,

а на самом деле — всего несколько минут. Иногда казалось, что прошло мгновение, а на самом деле — часы.

Наконец дверь открылась. Алексей ввалился внутрь — его почти волокли охранники. Он был бледным, как полотно, его лицо было покрыто свежими синяками, на лбу зияла глубокая рана, из которой сочилась кровь. Он едва стоял на ногах.

— Алексей! — я вскочил и бросился к нему.

Охранники бросили его на пол и вышли, закрыв дверь. Я опустился на колени рядом с ним, пытаюсь понять, насколько серьёзны его раны.

— Что они сделали с тобой? — спросил я.

Алексей с трудом открыл глаза. Его взгляд был мутным, но в нём всё ещё горел тот же огонь.

— Они пытались сломать меня, — прошептал он. — Использовали магический ток. Хотели, чтобы я признался.

— И ты...

— Я не признался, — он усмехнулся, но усмешка вышла

слабой, почти безжизненной. — Я сказал им, что они могут сжечь меня дотла, но я не скажу ни слова. Они злились, Фильчаков. Они злились, что не могут сломать меня.

Я смотрел на него и чувствовал, как внутри меня поднимается волна гнева.

Гнева на Степана, на эту систему, на этих людей, которые делали это с нами. Я хотел кричать, хотел биться головой о стены, но я знал, что это бесполезно. Это только даст им то, что они хотят — нашу слабость.

— Ты должен отдохнуть, — сказал я. — Ты потерял много крови.

Алексей покачал головой.

— Я не могу отдыхать, — сказал он. — Я должен связаться с Романом. Я должен знать, что он держится.

— Ты не можешь использовать магию в таком состоянии.

— Я могу. Я должен.

Он закрыл глаза. Я видел, как его лицо напряглось, как он сосредоточился, пытаясь собрать остатки силы. Прошло несколько секунд, и я почувствовал то же слабое тепло, что

и в прошлый раз.

— Я дотянулся до него, — прошептал Алексей. — Он... он не в порядке, Фильчаков. Он говорит, что они начали его допрашивать. Они говорят ему, что мы предали его, что мы подписали признания, чтобы спасти себя. Он не верит им, но он боится.

— Скажи ему, что это ложь, — сказал я. — Скажи ему, что мы никогда не предадим его.

Алексей кивнул и снова закрыл глаза. Его лицо было напряжённым, на лбу выступили капли пота. Через мгновение он открыл глаза.

— Он сказал, что верит нам. Но он боится, что не выдержит. Они давят на него, Фильчаков. Они используют его слабости. Они говорят ему, что он слабый, что он не создан для этого, что он должен сдаться.

— Мы должны помочь ему, — сказал я. — Мы должны найти способ вытащить его отсюда.

— Мы сделаем это, — сказал Алексей. — Но не сейчас. Сейчас мы должны выжить. Мы должны продержаться достаточно долго, чтобы найти способ.

Я ничего не ответил. Я просто сидел рядом с ним и смотрел на стену. Внутри меня росло чувство бессилия, которое я не мог подавить. Я чувствовал, как я слабею, как моя воля начинает трескаться, как камень под ударом молота.

Но я знал, что не могу сдать. Я не могу позволить им победить.

Прошло ещё несколько дней. Или, возможно, несколько недель. Я потерял счёт. Каждый день был похож на предыдущий: допросы, крики, тишина, снова допросы. Они меняли тактику. Иногда они были вежливыми, почти дружескими, предлагая нам кофе и сигареты, пытаясь завоевать наше доверие. Иногда они были жестокими, используя магические токи и другие методы, названий которых я не знал и не хотел знать.

Но они не могли сломать нас. Мы держались вместе. Даже когда нас разделяли, мы находили способ связаться друг с другом — через магию, через стены, через те редкие моменты, когда нас переводили из камеры в камеру. Мы передавали друг другу слова поддержки, надежду, веру. Мы не сдавались.

И всё же я чувствовал, как я слабею. Моё тело не выдер-

живало — голод, холод, боль. Мои руки были покрыты ссадинами и синяками, мои глаза горели от бессонницы. Я всё чаще ловил себя на мысли, что хочу сдать. Что хочу сказать им то, что они хотят услышать, просто чтобы это закончилось.

Но я не мог. Потому что я знал: если я сдам, я предам их всех. Я предам Романа, который верил в меня. Я предам Алексея, который держался ради нас. Я предам ту девушку, которую я видел у фонтана, — её глаза, которые смотрели на меня без страха. Я не мог позволить этому случиться.

И вот, в один из вечеров (я не знал, вечер это или утро — время потеряло смысл), меня вызвали на очередной допрос. Охранники пришли за мной и повели по длинному коридору. Я шёл, чувствуя, как мои ноги дрожат от слабости, как каждый шаг даётся с трудом.

Когда я вошёл в комнату, я увидел за столом майора Соколова. Его лицо было таким же безразличным, как всегда. На столе лежала та же папка с документами. Рядом с ним стоял стул, на котором уже сидел кто-то.

Кто-то, кого я узнал. Роман.

Он был бледным, исхудавшим, его лицо было покрыто си-

няками, которые свидетельствовали о том, что его пытали. Но он был жив. Он смотрел на меня, и в его глазах я видел надежду.

— Фильчаков, — прошептал он. — Ты жив.

— Я жив, — ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал твёрдо. — Мы все живы.

Майор Соколов улыбнулся. Его улыбка была тёплой, почти дружеской, но я знал, что это просто маска.

— Я рад видеть вас вместе, — сказал он. — Это облегчает задачу. Я хочу, чтобы вы поняли одну простую вещь: вы не выйдете отсюда, пока не признаетесь. Это неизбежно. Так что лучше сделать это сейчас, чем потом, когда вы будете сломлены полностью.

Роман посмотрел на меня. В его глазах я увидел страх. Он боялся. Он не знал, что делать.

— Мы не признаемся, — сказал я. — Мы невиновны.

Соколов покачал головой. — Вы упрямые, — сказал он. — Я ценю это. Но упрямство — это не сила. Это слабость. Вы не сможете бороться вечно.

— Мы будем бороться, сколько сможем, — ответил я.

Соколов усмехнулся. Он наклонился вперёд и посмотрел мне в глаза.

— Ты думаешь, что ты герой? — сказал он. — Ты думаешь, что ты спасаешь мир? Ты ошибаешься, Фильчаков. Ты просто наивный мальчишка, который попал в игру, которой не понимает. Единственное, что ты можешь сделать сейчас, — это сохранить свою жизнь.

— Моя жизнь ничего не стоит, если я предаю своих друзей.

— Ты думаешь, они не предали бы тебя? — сказал Соколов. — Ты думаешь, они не подписали бы признание, чтобы спасти свою шкуру?

Я посмотрел на Романа. Он сидел, опустив голову, и не смотрел на меня. Его плечи дрожали.

— Он не предаст меня, — сказал я. — Мы не предаём друг друга.

Соколов усмехнулся и пожал плечами.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда продолжайте страдать. Это ваш выбор.

Он махнул рукой, и охранники схватили меня. Они вывели меня из комнаты, и я слышал, как Роман кричит мне вслед. Его голос был полон отчаяния.

— Фильчаков! Не оставляй меня!

— Я не оставлю тебя, — крикнул я в ответ. — Держись!

Но дверь уже захлопнулась, и его голос исчез.

Меня вернули в камеру. Алексей сидел на своём месте, прислонившись спиной к стене. Он посмотрел на меня.

— Что случилось? — спросил он. — Ты встретил Романа?

— Да, — сказал я. — Он держится, но он боится. Они пытаются сломать его психологически.

— Они пытаются сломать всех нас, — сказал Алексей. — Мы должны помочь ему. Мы должны найти способ. — Как?

Алексей замолчал. Я видел, как его глаза блестят в темно-

те. Он думал. Его мозг работал на пределе возможностей.

— У меня есть идея, — сказал он. — Но она опасная.

— Какая?

— Я могу попытаться сломать магический барьер между камерами. Это позволит нам общаться напрямую. Но это потребует всей моей силы. Если я сделаю это, я буду ослаблен на несколько дней. Они могут воспользоваться этим.

Я смотрел на него и понимал, что он готов пойти на это. Ради Романа. Ради нас всех.

— Делай, — сказал я. — Мы не можем позволить ему сломаться.

Алексей кивнул. Он закрыл глаза и сосредоточился. Я видел, как его лицо напряглось, как на лбу выступили капли пота. Его руки начали дрожать, и я почувствовал, как воздух в камере начинает вибрировать.

Это длилось несколько минут. Потом он открыл глаза. Его лицо было бледным, как мел.

— Я сделал это, — прошептал он. — Теперь мы можем

говорить с ним.

Я подошёл к стене, которая отделяла нас от камеры Романа. Я приложил руку к холодному бетону и прошептал:

— Роман, ты слышишь меня?

Сначала тишина. Потом я услышал его голос. Он был слабым, дрожащим, но он был.

— Фильчаков? Это ты?

— Да, это я. Мы с тобой. Мы не оставим тебя.

— Я... я боюсь, — сказал он. — Они говорят мне, что вы предали меня. Что вы подписали признания. Я не верю им, но...

— Это ложь, Роман. Мы никогда не предадим тебя. Мы выберемся отсюда. Все вместе.

— Ты правда так думаешь?

— Я знаю это, — сказал я. — Мы найдём способ. Мы сбежим. И когда мы сбежим, мы найдём Степана. И он заплатит за всё.

Роман молчал. Я слышал его дыхание, которое было прерывистым, как будто он сдерживал слёзы.

— Я хочу видеть небо, — сказал он вдруг. — Я хочу видеть свободу. Я хочу писать стихи.

— Ты будешь писать стихи, — сказал я. — Я сохраню их. Я сохраню их всех.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он замолчал. Прошло несколько секунд, и я услышал его голос — тихий, почти беззвучный:

— Спасибо, Фильчаков. Спасибо, что ты рядом.

— Всегда, — сказал я. — Мы всегда будем рядом.

Я отошёл от стены и посмотрел на Алексея. Он сидел, закрыв глаза, и его лицо было бледным, как бумага. Он пожертвовал всем, чтобы дать нам этот разговор.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что, — ответил он. — Мы должны держаться вместе. Это единственный способ выжить.

Я кивнул. Я сел на пол, прислонился к стене и закрыл глаза. Я чувствовал, как усталость заполняет каждую клетку моего тела. Но внутри меня горела искра надежды — слабая, почти неощутимая, но она была.

Мы выберемся. Мы выживем. Мы найдём правду.

А Степан заплатит за всё.

Время в тюрьме текло иначе. Оно не текло — оно стояло, застыло, как смола, в которой застревали мухи. Иногда мне казалось, что я нахожусь здесь уже целую жизнь. Что я всегда был здесь. Что этих каменных стен, этого холодного света и этого запаха крови не существовало никогда — они были просто сном, от которого я не мог проснуться.

Но потом я слышал голос Романа, доносившийся сквозь стену, и понимал, что это реальность. Самая жестокая реальность, которую я когда-либо мог себе представить.

— Фильчаков, — шептал он по ночам. — Ты спишь?

— Нет, — отвечал я. — Я не сплю.

— Я тоже не могу уснуть. Я всё думаю о том дне... о площади... о том, как Степан смотрел на нас. Ты помнишь его взгляд?

— Помню.

— Как ты думаешь... он когда-нибудь был нашим другом? Или это всё было игрой?

Я не знал ответа. Я задавал себе этот вопрос тысячи раз, но так и не нашёл ответа. Степан был с нами так долго. Он делил с нами еду, смеялся над нашими шутками, спорил о политике, помогал нам, когда мы попадали в беду. Я не мог поверить, что всё это было ложью. Но факты были фактами: он предал нас. Он подложил нам документы. Он указал на нас полиции. И теперь мы здесь.

— Может быть, он был другом, — сказал я наконец. — Но он выбрал карьеру. Он выбрал власть. Он выбрал себя.

— Это страшно, — сказал Роман. — Когда человек, которому ты доверяешь, оказывается предателем. Это страшнее любой боли.

— Я знаю, — сказал я. — Но мы не должны думать о нём. Мы должны думать о том, как выжить.

— Как мы выживем?

— Мы найдём способ, — сказал я. — Я обещаю.

Роман замолчал. Я слышал его дыхание — прерывистое, неровное, как будто он пытался сдержать слёзы. Через несколько минут он заговорил снова.

— Я пишу стихи, — сказал он. — Я прячу их в подошву ботинка. Если я умру, ты должен их найти. Ты должен сохранить их.

— Ты не умрёшь, — сказал я. — Я не позволю тебе умереть.

— Ты не можешь это контролировать, Фильчаков. Никто не может. Но я хочу, чтобы они остались. Мои слова. Мои мысли. Моя душа. Они должны остаться.

Я не ответил. Я прижался лбом к холодной стене и закрыл глаза. Я не хотел думать о смерти Романа. Я не хотел думать о том, что он может умереть. Я хотел думать только о том, как вытащить его отсюда.

Алексей спал в углу камеры. Его дыхание было глубоким,

ровным, но я знал, что он не спит — он притворяется, чтобы мы не видели его слабости. Он всегда так делал. Он всегда старался быть сильным для нас.

Я повернулся к нему.

— Алексей, — сказал я. — Ты не спишь.

— Нет, — ответил он, не открывая глаз. — Я думаю.

— О чём?

— О том, как мы сбежим.

— У тебя есть план?

Алексей открыл глаза. В темноте я видел, как они блестят — два холодных огня, которые не могли погаснуть.

— Есть, — сказал он. — Но он опасный.

— Все планы опасные.

— Этот особенно. Нам нужно будет использовать магический генератор, который питает всю тюрьму. Если мы сможем его разрушить, охранники потеряют свои магические

артефакты. Они станут слабее. Мы сможем прорваться.

— Как мы разрушим его?

Алексей замолчал. Он смотрел в потолок, и его лицо было сосредоточенным.

— Нам нужен будет осколок стекла. Острый. Достаточно острый, чтобы перерезать кабели. Если я смогу добраться до генератора...

— Но ты не можешь. Ты прикован к стене.

— Я знаю, — сказал он. — Но у меня есть идея. Я могу использовать остатки магии, чтобы ослабить кандалы. Это займёт несколько недель. Но если я смогу сделать это...

— Ты лишишься всей магии, — сказал я. — Ты не сможешь использовать её никогда.

Алексей усмехнулся.

— Я уже не могу использовать её, Фильчаков. Они выгнали мой канал почти полностью. У меня осталось только несколько искр. Если я использую их, я потеряю всё. Но если я не использую их, мы останемся здесь навсегда. Что лучше?

Я не знал, что ответить. Он был прав. Мы не могли остаться здесь. Мы должны были попытаться.

— Сделай это, — сказал я. — Если это наш единственный шанс.

Алексей кивнул. Он закрыл глаза, и я видел, как его лицо напряглось. На лбу выступили капли пота. Его руки начали дрожать. Прошло несколько минут, и я почувствовал, как воздух в камере начал вибрировать — слабо, но ощутимо.

— Я начал, — прошептал он. — Теперь мне нужно время.

— У нас есть время, — сказал я. — У нас нет ничего, кроме времени.

Мы замолчали. Я сидел в темноте и слушал, как его дыхание становится всё более прерывистым. Я знал, что он мучительно пытается сделать то, что считает нужным. И я знал, что это может его убить.

Прошли дни. Я потерял им счёт. Я не знал, сколько их прошло — может быть, пять, может быть, десять, может быть, больше. Они все были одинаковыми: холод, голод, страх. Охранники приходили за нами каждый день — сна-

чала за мной, потом за Алексеем, потом снова за мной. Они пытали нас по-разному. Иногда магией — они использовали ток, чтобы пронзать наши тела. Иногда физически — они били нас, пинали, пытались сломать наши кости. Иногда психологически — они говорили нам, что мы одни, что никто не придёт за нами, что наши семьи уже забыли о нас.

Но они не могли сломать нас. Потому что мы держались вместе.

Однажды ночью, когда я сидел в камере и пытался уснуть, я услышал, как Роман начал говорить. Его голос был странным — он звучал иначе, чем обычно. Он был более напевным, более ритмичным, как будто он читал стихи.

— Фильчаков, — сказал он. — Ты слышишь меня?

— Слышу, — ответил я. — Что случилось?

— Я написал новое стихотворение. Хочешь послушать?

— Конечно, — сказал я. — Читай.

Роман затих на мгновение. Я слышал его дыхание — оно было неровным, как будто он пытался собраться с мыслями. Потом он начал читать:

«Осколки неба падают на землю, И каждый камень — это чей-то крик.

Мы здесь, в темноте, мы забыли, что такое время,
Но не забыли, как любить и как прощать. Когда ты видишь свет в конце тоннеля,

Не верь ему — это магия, это ложь.

Единственный свет, который стоит веры, — это тот, Который ты зажигаешь в своей груди».

Я слушал его, и внутри меня что-то сжималось. Это было красиво. Это было страшно. Это было пророчество.

— Это замечательно, Роман, — сказал я. — Это очень красиво.

— Ты правда так думаешь? — спросил он. Его голос был неуверенным, почти детским.

— Я никогда не лгу тебе, — ответил я.

— Спасибо, — сказал он. — Я боялся, что это плохо. Что я больше не могу писать хорошо.

— Ты можешь, — сказал я. — Твоя душа всё ещё жива. Ты всё ещё можешь говорить о ней.

Роман замолчал. Прошло несколько секунд, и я услышал, как он тихо плачет. Он плакал так, чтобы я не заметил, но я заметил. Я всегда замечал.

Я приложил руку к стене, которая разделяла нас.

— Роман, — сказал я. — Ты должен держаться. Мы выберемся. Ты будешь писать свои стихи на воле. Ты будешь видеть небо. Ты будешь свободен.

— Я боюсь, что не смогу, — сказал он. — Я боюсь, что я сломался.

— Ты не сломался, — сказал я. — Ты просто устал. Но это пройдет. Мы пройдем через это вместе.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

Он перестал плакать. Его дыхание выровнялось. Он зазнул через несколько минут, устав от слёз.

Я сидел и слушал его дыхание через стену. Я знал, что он нуждается во мне. Я знал, что я не могу его подвести.

Дни тянулись дальше. Алексей продолжал работать над ослаблением кандалов. Я видел, как это истощает его — его лицо становилось всё более бледным, его тело всё более худым. Он почти не ел, не спал, только сосредоточенно работал. Я пытался помочь ему, но я не мог — у меня не было магии. Я мог только поддерживать его словами.

— Ты справишься, — говорил я ему. — Ты самый сильный из нас.

— Я знаю, — отвечал он. — Но это требует всего меня. Я не могу позволить себе ошибиться.

— Ты не ошибёшься.

Алексей усмехнулся. Его усмешка была слабой, почти безжизненной, но в ней всё ещё была искра.

— Ты всегда веришь в меня, Фильчаков. Это странно.

— Почему?

— Потому что я не всегда верю в себя.

— Тогда я буду верить за нас обоих.

— А если я подведу тебя?

— Ты не подведёшь, — сказал я. — Ты никогда не подводил.

Алексей не ответил. Он снова закрыл глаза и продолжил работать. Его лицо было сосредоточенным, полным боли и усилия.

Однажды, когда я сидел в своей камере и пытался вспомнить голос матери, я услышал крик. Он раздался из соседней камеры — камеры Романа.

— Нет! — кричал он. — Я не буду подписывать это!

Я вскочил и приложил руку к стене.

— Роман! Что случилось?

— Они хотят, чтобы я подписал признание, — сказал он.
— Они говорят, что если я не подпишу, они убьют меня.

— Не подписывай, — сказал я. — Слышишь? Не подписывай ничего.

— Но они... они сказали, что если я подпишу, они отпу-

стыт нас всех. Что мы сможем уйти.

— Это ложь, Роман. Они не отпустят нас. Они просто хотят получить твою подпись. Если ты подпишешь, они будут использовать это против нас всех.

Роман замолчал. Я слышал его дыхание — оно было неровным, как будто он боролся с собой.

— Я боюсь, Фильчаков, — сказал он наконец. — Я боюсь, что они убьют меня.

— Они не убьют тебя, — сказал я. — Я не позволю им.

— Как ты можешь это остановить?

Я не знал, что ответить. Я не мог остановить их. Я был прикован к стене, разбитый, беспомощный.

Но я знал, что должен сделать что-то.

— Алексей, — позвал я. — Помоги мне. Они пытаются заставить Романа подписать признание.

Алексей открыл глаза. В них горел огонь.

— Я знаю, — сказал он. — Я слышал. Я сделаю всё, что могу.

— Что ты можешь сделать?

Алексей улыбнулся. Это была страшная улыбка — полная злобы и силы.

— Я могу сломать кандалы, — сказал он. — Сегодня.

— Но ты говорил, что нужно несколько недель.

— Я закончил, — сказал он. — Сегодня.

Он поднял руки и дёрнул их с такой силой, что я слышал, как металл застонал. Его лицо исказилось от боли, но он не сдавался. Он дёрнул ещё раз, и кандалы разлетелись на куски.

— Я сделал это, — сказал он. — Я свободен.

Я смотрел на него с изумлением. Его руки были изранены, покрыты кровью, но он стоял — высокий, сильный, неуязвимый.

— Теперь нужно найти способ открыть дверь, — сказал

он. — И вытащить Романа.

— Как ты это сделаешь?

Алексей подошёл к двери и положил руки на металл. Его глаза загорелись, и я почувствовал, как воздух в камере нагревается.

— Огонь, — сказал он. — Мой последний дар.

Металл начал светиться, таять, капать на пол. Алексей стоял и смотрел на него с той же холодной уверенностью, что и всегда.

Через несколько секунд дверь открылась. Мы вышли в коридор.

— Роман, — позвал я. — Мы идём к тебе.

Ответа не было. Только тишина.

Мы побежали по коридору. Я слышал, как за нами гремят шаги охранников. Они знали, что мы сбежали.

— Быстрее, — крикнул Алексей.

Мы добрались до камеры Романа. Дверь была закрыта, но Алексей снова использовал свою магию, чтобы открыть её.

Внутри сидел Роман. Он был бледным, но живым. В его руках был дневник.

— Фильчаков, — прошептал он. — Ты пришёл.

— Я сказал, что приду, — ответил я. — Я всегда сдерживаю обещания.

Алексей схватил Романа за руку и вытащил его из камеры.

— Бежим, — сказал он. — У нас мало времени.

Мы побежали по коридору, слыша, как охранники приближаются.

«Когда сгорают крылья и руки,

И небосвод сжимает грудь,

Ты вспомни — даже в царстве злой разлуки
Есть место, где ты сможешь отдохнуть».

Эти строки Роман написал в ту ночь, когда мы лежали в камере и ждали рассвета. Он передал их мне через Алексея, через магию, которая уже почти угасла. Я читал их, и внутри меня что-то трепетало — то, что я думал, уже умерло. На-

дежда. Она была ещё здесь. Она пряталась в его словах.

Я хочу запомнить этот момент. Не для того, чтобы рассказать кому-то. Просто чтобы не забыть, что я чувствовал, когда ещё не знал, что через несколько часов потеряю всё.

Алексей сломал кандалы в тот вечер, когда я перестал ждать чуда. Я не верил, что мы выберемся. Я верил только в то, что мы должны умереть с честью. Но он сделал это. Он пожертвовал своей магией — последней искрой, которая оставалась в нём, — чтобы освободиться. Я видел, как его руки дрожали, когда он ломал металл. Я видел, как кровь текла по его пальцам. Но он не остановился. Он не мог остановиться.

Когда дверь открылась и мы вышли в коридор, я чувствовал себя как человек, который родился заново. Воздух был сырым, холодным, но он был воздухом свободы. Я вдыхал его так глубоко, как только мог, и чувствовал, как мои лёгкие наполняются чем-то, что не было страхом.

— Бежим, — сказал Алексей. Его голос был твёрдым, но я слышал в нём усталость. Он использовал последние силы, чтобы открыть дверь Романа. Теперь он был почти пустым.

Мы бежали по коридору. Я слышал, как за нами гремят

шаги охранников. Они знали, что мы сбежали. Их крики разносились по всему зданию, отражаясь от стен и создавая эхо, которое звучало как предупреждение.

Роман бежал рядом со мной. Его дыхание было прерывистым, но он не останавливался. Он сжимал свой дневник так крепко, что костяшки побелели.

— Мы сделаем это, — прошептал он. — Мы выберемся.

— Да, — ответил я. — Мы сделаем это.

Но я не был уверен. Я не знал, что ждёт нас впереди.

Коридор был длинным. Мы бежали по нему, и я чувствовал, как мои ноги начинают подкашиваться от слабости. Я не ел уже несколько дней. Моё тело было истощено, и единственное, что поддерживало меня, — это адреналин. Он кипел в моей крови, заставляя меня бежать быстрее.

Мы выбежали в главный зал. Там было пусто — охранники, вероятно, были заняты поисками в других частях здания. Но я знал, что это ненадолго.

— Туда! — крикнул Алексей, указывая на дверь в конце зала. — Там выход к порту.

Мы побежали к двери. Я слышал, как за нами снова раздаются шаги, но я не оборачивался. Я не хотел видеть, кто нас преследует.

Дверь была тяжёлой, но Алексей толкнул её плечом, и она открылась. Перед нами была ночь. Холодная, тёмная, пахнущая морем и свободой. Мы выбежали на причал, и я увидел корабли — несколько старых грузовых судов, которые стояли на якоре.

— Корабль, — сказал я. — Нам нужно попасть на корабль.

— Какой? — спросил Роман.

— Любой, который плывёт в столицу.

Мы побежали к ближайшему кораблю. Он был старым, покрытым ржавчиной, но он был единственным, который казался готовым к отплытию.

Мы вбежали на его палубу. На мгновение я почувствовал облегчение — мы сделали это, мы почти на свободе. Но потом я услышал крик позади. Охранники выбежали на причал и увидели нас.

— Стойте! — крикнул один из них. — Остановитесь!

Мы не остановились. Мы побежали глубже на корабль, стараясь найти место, где можно спрятаться.

Я споткнулся о канат и упал. В этот момент я услышал, как корабль начал двигаться. Он отходил от причала. Мы были почти свободны.

Но охранники были быстрее. Они догнали нас. Один из них схватил меня за плечо и попытался повалить. Я вырвался, но в этот момент другой охранник прыгнул на Романа.

— Отпусти его! — закричал я.

Роман боролся, но он был слаб. Он был слишком слаб. Я видел, как охранник поднимает магический нож, чтобы ударить его, и понял, что я не могу позволить этому случиться.

Я кинулся на охранника. Мы упали на палубу, и я услышал, как нож выпал из его руки и упал за борт. Вода за бортом была тёмной, холодной, и я слышал, как она бурлит внизу.

— Беги, Роман! — крикнул Алексей. — Беги!

Роман побежал. Я встал и побежал за ним. Мы добежали до самого края корабля, и я увидел, что впереди была только вода.

— Прыгай! — крикнул я Роману. — Мы должны прыгать!

Роман остановился. Он посмотрел на меня, и в его глазах я увидел страх. Я никогда не видел его таким.

— Я не могу, — сказал он. — Я боюсь.

— Ты должен, — сказал я. — Это наш единственный шанс.

— Я не умею плавать.

Я не знал, что ответить. Я не знал, как спасти его. Но в этот момент я услышал, как корабль резко накренился, и нас обоих бросило вперёд.

Я упал на палубу, но Роман перелетел через борт. Я видел, как он падает в воду, как его руки хватаются за воздух, как его глаза расширяются от ужаса.

— Роман! — закричал я.

Я попытался схватить его, но он был слишком далеко. Я видел, как вода закручивается вокруг него, как винт корабля вращается с бешеной скоростью, и как его тело начинает засасывать вниз.

Я не мог этого остановить. Я просто смотрел, как он исчезает в этом водовороте.

В этот же момент я почувствовал, как меня тоже затягивает в воду. Я упал за борт, и мир перевернулся. Я видел только тёмную воду, слышал только рев двигателя и чувствовал только холод, который пронзал моё тело.

Я попытался выплыть, но винт был слишком близко. Я чувствовал, как он притягивает меня, как его лопасти начинают врезаться в мою руку.

Боль была невыносимой. Я кричал, но вода заглушала крик. Я видел, как моя рука отделяется от тела, как кровь расплывается в воде красным облаком.

А потом — ещё один удар. Винт задел моё лицо, и я почувствовал, как левый глаз перестаёт видеть. Всё исчезло. Только боль. Только тьма. Только пустота.

Я терял сознание. Я чувствовал, как моё тело поднимается на поверхность, как воздух наполняет мои лёгкие, как кто-

то схватывает меня и тянет вверх.

Алексей. Он был рядом. Он вытащил меня из воды.

— Фильчаков! — кричал он. — Фильчаков, ты слышишь меня?

Я хотел ответить, но не мог. Моё тело было разбито. Я чувствовал только боль и пустоту. Я потерял руку. Я потерял глаз. Я потерял Романа.

— Он мёртв, — прошептал я. — Роман мёртв.

Алексей не ответил. Он просто держал меня, пока мы плыли к берегу, и я слышал, как его сердце бьётся о рёбра, как его дыхание становится всё более прерывистым. прибыв в город Город встретил меня ветром. Он дул с Невы, пронизывающий, сырой, как будто хотел выдуть из меня всё тепло, всё, что осталось живым. Я стоял на набережной, смотрел на серую воду и чувствовал, как она отражает мою душу — такую же серую, холодную, пустую.

Правая рука отсутствовала. Я всё ещё чувствовал её иногда — ночью, когда просыпался от боли, когда мне казалось, что она всё ещё здесь, что я могу сжать её в кулак. Но нет. Только пустота. Только обрубок, который я прятал под курт-

кой, чтобы не пугать прохожих.

Глаза больше не было. Я носил чёрную повязку, и под ней была пустота — пульсирующая, ноющая, которая напоминала мне о том, что я никогда не увижу мир так, как раньше. Я всё ещё видел, но только наполовину. Мир стал плоским, урезанным, как будто его разорвали пополам и оставили мне только одну часть.

Я не знал, как жить с этим.

Алексей стоял рядом. Он был молчалив, как всегда, но я знал, что его гложет та же боль. Он потерял магию. Потерял огонь, который горел в нём с детства. Теперь он был просто человеком — огромным, сильным, но обычным. И это было страшнее любых пыток.

— Нам нужно найти дедушку Евгения, — сказал я. — Он единственный, кто может помочь нам.

— Ты знаешь, где он живёт? — спросил Алексей.

— Я знаю, где он жил раньше. На Петроградской стороне. Старый дом, в котором он хранил свои архивы.

— А если его там нет?

— Значит, мы будем искать дальше.

Мы пошли по улицам города. Я смотрел на прохожих и видел, как они избегают нас. Как их взгляды скользят по мне, по моей пустой правой руке, по чёрной повязке на глазу, по шрамам, которые покрывали моё лицо. Они знали, кто мы. Они читали газеты, видели наши портреты. Они боялись нас.

— Ты видишь, как они смотрят на нас? — спросил Алексей.

— Я вижу.

— Мы не можем оставаться здесь надолго. Кто-то вызовет полицию.

— Мы уйдём, как только найдём Евгения.

Мы свернули в переулок. Здесь было тише, темнее. Стены были покрыты граффити — рисунки, надписи, символы, которые я не мог разобрать. Это был другой город, скрытый от глаз, тот, в котором прятались такие же изгои, как мы.

Дом дедушки Евгения стоял в конце переулочка. Он был старым, с облупившейся штукатуркой и тёмными окнами. Я

подошёл к двери и постучал.

Тишина.

Я постучал снова.

Дверь приоткрылась, и в щели показалось лицо — старое, морщинистое, с седой бородой и пронзительными глазами, которые смотрели на меня с подозрением.

— Кто вы? — спросил он.

— Евгений, — сказал я. — Это я, Фильчаков. Мы встретились в прошлом году. Ты дал мне карту. Ты сказал, что если я попаду в беду, то должен прийти к тебе.

Евгений посмотрел на меня долгим взглядом. Потом его лицо смягчилось.

— Боже мой, — прошептал он. — Что они сделали с тобой?

— То, что делают со всеми врагами Империи, — ответил я. — Ты можешь помочь нам?

Он открыл дверь и впустил нас внутрь.

Дом был маленьким, но уютным. Повсюду лежали книги, бумаги, старые документы. Пахло пылью и чем-то сладковатым — возможно, травами, которые сушились на кухне.

— Садитесь, — сказал он, указывая на старый диван. — Я принесу чай.

— Не нужно чая, — сказал Алексей. — Нам нужна информация.

Евгений посмотрел на него.

— Ты — Алексей, верно? Маг огня?

— Был магом, — сказал Алексей. — Теперь я просто человек.

Евгений вздохнул и сел напротив нас.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказал он. — Вы хотите найти Степана. Вы хотите доказать, что он подставил вас.

— Да, — сказал я. — У нас есть доказательства. Мы нашли их в тюрьме, когда сбегали.

— Что за доказательства?

Я вытащил из кармана сложенный лист бумаги. Это был документ, который я украл из кабинета начальника тюрьмы. Там были подписи Степана, его планы, информация о том, как он подложил нам магические артефакты.

— Это его почерк, — сказал я. — Это доказательство того, что он виновен.

Евгений взял документ и внимательно изучил его. Его лицо стало серьёзным.

— Это многое меняет, — сказал он. — Но этого недостаточно, чтобы привлечь его к суду.

— Что ещё нам нужно?

— Оригиналы. Там, где он подделал магические метки. Они хранятся в тайнике на его старой заимке в Западном лесу.

— Откуда ты знаешь? — спросил Алексей.

— Потому что я работал в Канцелярии, — сказал Евгений. — Я видел эти документы. Я знаю, где они находятся. Но попасть туда будет трудно. Заимка охраняется магическими ловушками.

— Мы справимся, — сказал я.

Евгений посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты уверен, Фильчаков? Ты потерял руку и глаз. Ты едва стоишь на ногах. Если ты пойдёшь туда, ты можешь умереть.

— Я готов умереть, — сказал я. — Но я не готов жить с мыслью, что он победил.

Евгений вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я помогу вам. Но вы должны быть осторожны.

—

Он подошёл к столу и начал рисовать карту. Я сидел и смотрел на его руки — старые, морщинистые, но уверенные. Он был последним союзником, который у нас остался.

— Вот заимка, — сказал он, показывая на точку на карте. — Вход в подвал находится под старым дубом. Там лежит камень, который нужно сдвинуть. Под ним будет люк.

— Как мы обойдём магические ловушки?

— У меня есть артефакт, который подавляет магию, — сказал Евгений. — Он слабый, но его хватит на несколько минут. Этого времени будет достаточно, чтобы проникнуть внутрь и найти документы.

Он протянул мне маленький металлический предмет, который светился тусклым синим светом.

— Используй его с умом, — сказал он. — У тебя будет только один шанс.

Я взял артефакт и спрятал его в карман.

— Спасибо, — сказал я.

— Не благодари меня, — ответил Евгений. — Ты можешь не вернуться оттуда. Но если ты вернёшься и принесёшь эти документы, у тебя будет шанс очистить своё имя.

Я кивнул.

Мы вышли из его дома и пошли по ночному городу. Ветер стих, и стало тихо. Я смотрел на небо, которое было усеяно звёздами, и думал о том, что где-то там, в этом бесконечном пространстве, есть свобода. Свобода, которую я хо-

чу вернуть.

— Мы сделаем это, — сказал Алексей.

— Да, — ответил я. — Мы сделаем это.

Я не знал, что ждёт нас впереди. Я не знал, вернусь ли я живым. Но я знал, что я должен попытаться. Ради Романа. Ради себя. Ради того, чтобы доказать, что правда всё ещё существует.

Мы шли по улицам, и город казался мне чужим, как будто я никогда не был здесь раньше. Но я знал, что это мой город. И я верну его себе.

Я не знал, как я оказался на этой улице. Ноги привели меня сами — мимо грязных подворотен, мимо ржавых заборов, мимо мусорных баков, которые пахли гнилью и чем-то кислым. Город был тёмным, тихим, и только редкие фонари освещали мокрый асфальт, на котором блестели лужи, отражая серое небо.

Я шёл и чувствовал, как тело начинает подводить меня. Правая рука отсутствовала, но боль в культе была такой же реальной, как будто она всё ещё была здесь — пульсирующая, ноющая, не дающая забыть о том, что случилось. Ле-

вый глаз тоже не давал покоя — под повязкой было пусто, но мозг продолжал посылать сигналы, будто он всё ещё существует. Будто я могу видеть им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.